

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 74–86.

Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 3. P. 74-86.

Научная статья

УДК 821.161.1(091)

EDN: TAUXRH

doi:10.17072/2587-6589-2026-3-74-86

<https://elibrary.ru/tauxrh>

«ТВОРЕЦ ЛЮДЕЙ, ГЛАШАТАЙ КНИГ И ВКУСОВ...»: К ВОПРОСУ О РОЛИ А. И. УРУСОВА В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ 1890-Х ГГ.

Владимир Васильевич Абашев

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,

vv_abashev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию места и роли известного адвоката и общественного деятеля князя А. И. Урусова в литературном процессе России 1890-х гг. Опираясь на методологические подходы социологии культуры П. Бурдьё, автор анализирует феномен «литературного миссионерства». Урусов рассматривается как ключевой агент и легитиматор, формировавший эстетическую ценность новых художественных имен, текстов и вкусов. В статье в опоре на воспоминания современников анализируется сложная констелляция личностных свойств и диспозиций (габитус) Урусова, определивших его культурное влияние. Автор выделяет его сословный аристократизм, обеспечивавший независимость суждений, глубокий европеизм и свободное владение иностранными языками. Важнейшими инструментами миссионерской деятельности в поле литературы называются его исключительное персуазивное красноречие, отточенное профессиональной адвокатской практикой, и органическая потребность делиться эстетическими открытиями. Особое внимание уделено содержательной стороне эстетизма А. И. Урусова. Демонстрируется его типологическая близость к европейской философии «нового эпикурейства» У. Пейтера, а также его чуткость к урбанистическому «духу современности» Ш. Бодлера. В статье показано существенное влияние князя на рецепцию в России французского символизма, популяризацию творчества Ш. Бодлера и Г. Флобера, а также на становление поэтического дара К. Д. Бальмонта. На основе широкого круга эго-документов и воспоминаний современников автор доказывает, что А. И. Урусов выступил значимым инициатором идей, предопределивших развитие русской модернистской эстетики рубежа веков.

Ключевые слова: А. И. Урусов, поле литературы, габитус, эстетизм, модернизм.

Для цитирования: Абашев В. В. «Творец людей, глашатай книг и вкусов...»: к вопросу о роли А. И. Урусова в литературной жизни России 1890-х гг. // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 74–86. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-74-86>. EDN: TAUXRH

Original article

“A CREATOR OF PEOPLE, A HERALD OF BOOKS AND TASTES...”: ON THE QUESTION OF THE ROLE OF A. I. URUSOV IN THE LITERARY LIFE OF RUSSIA IN THE 1890S

Vladimir V. Abashev

Perm State University, Perm, Russia, vv_abashev@mail.ru

Abstract. The article explores the place and role of Prince A. I. Urusov, a prominent lawyer and public figure, in the Russian literary process of the 1890s. Drawing on the methodological approaches of Pierre Bourdieu’s sociology of culture, the author analyzes the phenomenon of “literary missionary work”. Urusov is viewed as a key agent and legitimator who shaped the aesthetic value of new artistic names, texts, and tastes. Based on the memoirs of his contemporaries, the paper analyzes the complex constellation of Urusov’s personal traits and dispositions (*habitus*) that determined his cultural influence. The author highlights his class-based aristocratism, which ensured independent judgment, as well as his deep Europeanism and fluency in foreign languages. His exceptional persuasive eloquence, refined by his professional legal practice, and an organic need to share aesthetic discoveries are identified as the most crucial instruments of his missionary activity in the literary field. Special attention is paid to the substantive side of A. I. Urusov’s aestheticism. The author demonstrates his typological affinity with Walter Pater’s European philosophy of “New Epicureanism”, as well as his responsiveness to Charles Baudelaire’s urbanistic “spirit of modernity”. The article demonstrates the Prince’s significant influence on the reception of French Symbolism in Russia, the popularization of the works of Ch. Baudelaire and G. Flaubert, and the development of K. D. Balmont’s poetic talent. Drawing upon a wide range of ego-documents and contemporaries’ memoirs, the author proves that A. I. Urusov acted as a significant initiator of ideas that predetermined the development of Russian modernist aesthetics at the turn of the century.

Keywords: A. I. Urusov, literary field, *habitus*, aestheticism, modernism.

For citation: Abashev V. V. “A creator of people, a herald of books and tastes...”: on the Question of the Role of A. I. Urusov in the Literary Life of Russia in the 1890s. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;3:74-86. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-74-86>. EDN: TAUXRH

Введение

Оценивая результаты жизни князя Александра Ивановича Урусова в сравнении с теми ожиданиями, которые внушала его всесторонняя одаренность и редкая по интенсивности общественная активность, современники, кто с сожалением, а кто и с оттенком превосходства, считали его едва ли не неудачником. «Обладая блестящими способностями, получив превосходное образование и выработав в себе редкую энергию и трудолюбие, он

всю жизнь сидел на двух стульях: литературе и адвокатуре, и сделал гораздо менее, чем обещал талант ему данный. Он не оставил после себя ни крупного состояния – [а это] все, до чего могут прийти наши талантливые адвокаты, ни серьезного большого труда, а только *начала* в том и другом деле» [Кирпичников 1907: 126]. Таким резюме жизнь А. И. Урусова подытожил его тезка профессор А. И. Кирпичников, однокашник по гимназии, товарищ в студенчестве, близкий знакомец по московской жизни. Есть в его словах оттенок высокомерной снисходительности человека, который в собственной ученой карьере добился всех возможных степеней успеха, завершив ее деканом историко-филологического факультета Московского университета (1899–1902). Свою эпитафию князю А. И. Кирпичников завершил весьма своеобразным выражением сочувствия: «Даже в наше общество любителей словесности, где он был бы чрезвычайно полезен, <...> он попал почти накануне смерти» [Кирпичников 1907: 127]. Как выразительно, заметим, звучит здесь частица «даже», словно участие в «обществе любителей словесности» было бы некой желанной вершиной жизненной участи.

Впрочем, и очень близкие А. И. Урусову люди, такие как Александра Алексеевна Андреева, также сетовали, что его вклад в литературу «особенно в сравнении со страстной его любовью к ней, невелик» [Андреева 1907: 406]. Он так и не собрал задуманные тома заметок о Флобере, не написал серию статей о русских писателях в совершенно новом духе, а именно «без всяких политических, – как делился он замыслом с Т. Л. Щепкиной-Куперник – социальных и педагогических экивоков» [Урусов 1907: 178]. Да, написал он мало. «Получаю отвращение к собственной мысли, как только я ее написал» [там же: 320], – признавался А. И. Урусов К. Д. Бальмонту в чувстве непреодолимой преграды перед листом бумаги, когда пробовал писать о любимом и заветном.

Но является ли единственной мерой вклада в развитие родной словесности выпуск литературного или литературно-критического произведения? Если нет, то вклад Александра Ивановича Урусова в развитие русской литературы, надо признать весьма значимым. Вот тому один из примеров: «Урусов первый подчеркнул мне самому <...> то, что жило во мне, но чего я еще не понимал ясно: любовь к поэзии созвучий, преклонение пред звуковой музыкальностью, которая влекла меня, и которой я в то же время боялся отдаться, под давлением <...> литературных предрассудков, казавшихся мне тогда, как они кажутся еще теперь тысячам, непреложной истиной. Урусов помог моей душе освободиться, помог мне найти самого себя» [Бальмонт 1904: 105, 106]. Одного лишь этого признания К. Д. Бальмонта достаточно, чтобы почтить след А. И. Урусова в истории русской литературы. Разумеется, А. И. Урусова не забыли историки русской юриспруденции. Его вклад в развитие русской адвокатуры и судебного красноречия признается выдающимся, ему посвящают диссертационные исследования [Степанова 2005; Матвеева 2004]. Начиная с 2000-х гг., об А. И. Урусове стали писать историки русской культуры. Высоко оценен его вклад в изучение Бодлера. Тем не менее роль А. И. Урусова в литературном процессе остается и недооцененной по значению, и не определенной по ее существу: кто он в литературе? В солидном двухтомнике ИМЛИ «Русская литература рубежа веков» имя А. И. Урусова

упомянуто лишь однажды и по какой-то иронии судьбы как автора негативной реплики о книге К. Д. Бальмонта «Горящие здания» (1900): мол, «кровожадные гримасы», а не поэзия [Русская литература рубежа веков 2000: 641].

Между тем сам А. И. Урусов свою литературную миссию осознавал глубоко и формулировал ее точно, предвосхищая невольно современные подходы к пониманию истории литературы. В 1896 году, отвечая А. А. Андреевой на упрек, что, мол, мало публикуется, Урусов заметил, что хотя многие журналы и газеты его «усиленно приглашают», он не собирается погружаться в журналистику, дабы не «нарушать принцип разделения труда» (отметим здесь экономический термин!). Его предназначение иное. «Есть люди, – продолжал А. И. Урусов, – истинное призвание которых – мыслить, выдумывать и болтать, развеивая эти мысли на воздух, служа миссионерами художественных и других идей. <...> Сотрудничество таких людей не проходит бесследно. Они являются невидимыми инициаторами многих идей, которыми живут эпохи. <...> Я <...> принадлежу к числу этих бесполезных, но необходимых болтунов и книгонош. Сколько я распространил флюберовских и бодэлеровских томов. Ведь это мне зачтется, в стране, где зачитываются Сенкевичем и Надсоном» [Урусов 1907: 374]. Ироничное, но и горделивое самоопределение. Проницательный М. Волошин, более других из современников оценивший значение А. И. Урусова для русской литературы, в этих его словах услышал «скромное *Exegi monumentum*» [Волошин 1988: 504].

Итак, быть «миссионером художественных идей». На редкость ясное и по существу современное определение собственной роли в литературном процессе. Миссионер распространяет идеи, миссионер проповедует, миссионер обращает современников в новую эстетическую веру. Хотя миссионер обречен быть «невидимым», как не без нотки горечи заметил А. И. Урусов, но он сеет в общественном сознании «идеи, которыми живут эпохи».

Впрочем, люди описанного А. И. Урусовым типа невидимы, если историю литературы понимать только как растущую сумму произведений и смену стилевых парадигм. Однако роль «миссионеров» отчетливо проявится, если расширить горизонт аналитического взгляда и увидеть литературную историю как поле взаимодействий и конкуренции множества институтов и функционально различных агентов. Так, по П. Бурдье, понимаемая история литературы начинает замечать не только «непосредственных изготовителей произведения в его материальности (читай: писателей – А.В.) <...> но также и целый ансамбль агентов и институтов, участвующих в производстве ценности произведения посредством производства веры в ценность искусства вообще и веры в отличительную ценность того или иного шедевра» [Бурдье 2007: 401].

В том и состояла литературная миссия А. И. Урусова, чтобы производить веру в ценность произведений и имен. Поэтому М. Волошин не преувеличил, назвав А. И. Урусова «творцом людей, глашатаем книг и вкусов» [Волошин 1995: 178]. Посредничество между французской и русской культурой, флюберизм, распространение стихов и имени Бодлера и подготовка тем самым его более позднего культа, открытие К. Д. Бальмонта и апологетика его поэзии, отстаивание радикальной независимости литературы и искусства от

общественно-критических, педагогических и других утилитарных целей, проповедь эстетизма и принципов эстетической критики, культ слова как такового, – вот его вклад в литературный процесс. Его можно подытожить выводом, что А. И. Урусов оказал существенное влияние на становление эстетики модернизма в русской литературе 1890-х гг.

Основная часть

Основные направления миссионерской деятельности князя Урусова в той или иной степени известны и, начиная с 2000-х гг., изучаются [Куприяновский 2001; Сапожков 2008; Зусман, Сапожков 2017]. Поэтому мы остановимся не на содержании и результатах проповеднической деятельности А. И. Урусова, а на типе личности литературного миссионера и на самом основании его литературно-эстетического влияния. Наш вопрос: что позволяло А. И. Урусову производить веру в ценность имен и произведений? На основании опубликованных писем и воспоминаний об А. И. Урусове попробуем представить ту констелляцию природных и воспитанных профессией свойств (габитус), которые определили его предрасположенность (диспозицию) к роли успешного миссионера художественных идей.

Анализируя основания успеха «миссионерской» деятельности А. И. Урусова в поле литературы, начинать нужно почти по-марксистски с его социальных корней. Принадлежность к высшему сословию изначально наделила А. И. Урусова тем, что П. Бурдье назвал «квинтэссенцией раннего развития» – системой «преимуществ, которые дает раннее освоение легитимной культуры в получении культурных навыков, будь то манеры за столом или искусство беседы, музыкальная культура или чувство такта» [Bourdieu 1984: 70].

О том, что А. И. Урусов указанную систему преимуществ получил сполна свидетельствуют воспоминания его однокашников по 1-й Московской гимназии А. И. Кирпичникова и Е. А. Пушкина. Первое появление А. И. Урусова в здании на Волхонке им запомнилось навсегда – он резко выделился из общего фона. Даже нарядом. Юный Урусов, пока ему не пошили общую гимназическую форму, являлся в классы в шитом золотом мундире пажа. Но «блистал и ослеплял» [Пушкин 1907: 91] однокашников новичок не только золотыми галунами мундира: «с первого же раза появление Александра Ивановича обратило на себя всеобщее внимание, и начальства, и товарищей; он держал себя необыкновенно свободно и много говорил во время рекреационных сборов, так что вокруг него всегда была толпа слушателей» [Пушкин 1987: 89]. Е. А. Пушкину вторит будущий декан историко-филологического факультета А. И. Кирпичников: А. И. Урусов «настолько был развитее и начитаннее нас и так держал себя с нами, что все мы говорили ему Вы» [Кирпичников 1907: 118].

«Толпа слушателей» – чем не наглядное подтверждение эффекта ранней взрослости, о котором как о производном от аристократического статуса писал Бурдье. В случае А. И. Урусова «воплощенный (embodied) культурный капитал предшествующих поколений функционировал как своего рода аванс <...> который, с самого начала давая пример

культуры, воплощенной в привычных моделях, позволяет новоприбывшему начать усваивать основы легитимной культуры с самых истоков, то есть бессознательным и неощутимым образом», что избавляло его от труда доучиваться, добирать по крохам полученное изначально, по рождению [Bourdieu 1984: 71]. Этим наследственным культурным капиталом можно распорядится, конечно, по-разному. Что касается А. И. Урусова, то аванс, полученный им как отпрыском аристократического рода, он сполна и многократно оправдал дальнейшим образованием и деятельностью.

Какие именно исходные диспозиции сыграли в дальнейшем роль, способствующую успеху в литературном поле? Аристократизм обеспечивал А. И. Урусову позицию символического равенства с любыми авторитетами литературного поля, избавляя от необходимости бороться за признание, столь свойственной разночинной интеллигенции того времени. Этот габитус проявлялся в специфической светскости поведения, ее отмечали все, и в культуре *causerie* – искусстве легкой, непринужденной беседы, где глубокие эстетические идеи транслировались не дидактически, а через интеллектуальное гурманство. Преимущества первоначального домашнего образования и свободное владение французским и немецким языками сформировали транснациональный культурный капитал А. И. Урусова, сделав европейский мир его органической средой обитания. Как выразился его многолетний помощник по адвокатуре О. Б. Гольдовский, А. И. Урусову был свойственен «непоколебимый в плоть и кровь воспринятый европеизм» [Гольдовский 1907: 245].

Его отношение к культуре, корнящееся в исходном габитусе, можно охарактеризовать метафорой, подсказанной воспоминаниями К. Д. Бальмонта о самой первой встрече и знакомстве: А. И. Урусов «вошел в комнату, как входят в свой собственный дом или к старому другу», сразу вызвав «доверие и какую-то особенную спокойную радость» [Бальмонт 1904: 105]. Быть в культуре как дома – такой тип самоощущения был ему свойственен органически. Таким образом, литературное миссионерство не было «работой» в узком смысле, оно было естественным проявлением его сословной диспозиции, позволявшей ему выступать независимым арбитром и легитимировать новые художественные явления самим фактом своего внимания к ним.

Этот род мягкой власти, которую приобрел А. И. Урусов в литературном поле поддерживался его успехом на поприще адвокатской деятельности. Уже в начале карьеры он приобрел всероссийскую известность и славу, получив то, что П. Бурдьё называл «капиталом известности». Слава адвоката эпохи судебных реформ в условиях России фундировала приобретенную А. И. Урусовым «власть освящать как предметы <...>. так и личности <...>, а, следовательно, – придавать им ценность» [Бурдьё 2007: 179]. Ведь миссионер художественных идей открывает новое «тем успешнее, чем больше он сам признан» [Бурдьё 2007: 181].

В конstellации предрасположенностей, обеспечившей успешность А. И. Урусова и ставшей главным инструментом его влияния была речь. Все, кому довелось знать А. И. Урусова, были единодушны в признании его поражавшего собеседников и слушателей умения и очаровывать, и убеждать. Красноречие было природным дарованием, отточенным домашним воспитанием, образованием, а впоследствии профессиональной деятельностью адвоката.

Е. А. Пушкин, близкий Урусову по судебным делам, называл его красноречие «непобедимым» [Пушкин 1907: 98]. «Художественным произведением изящной словесности считала беседы А. И. Урусова» одна из самых близких ему конфидентов А. А. Андреева. «Художник живого слова, – писала она, – [Урусов] обладал и теми дарованиями, которые красноречию дают особенную силу: острый ум, память, находчивость, воображение, широта и разносторонность образования, подвижность и отзывчивость природы, живой и пылкий темперамент при внешних средствах: богатстве, гибкости голоса и привлекательности наружности – все придавало его слову и внешний блеск, и силу внутреннего содержания» [Андреева 1907: 406, 407].

Как можно судить, обобщая воспоминания современников, в речи Урусова персуазивность рациональной логики и аргументации поддерживалась суггестивностью, искусством внушать. Писателю и коллеге А. И. Урусова по адвокатуре К. К. Арсеньеву как-то пришлось послушать выступление князя о чеховской «Чайке». Заметим, кстати, что А. И. Урусов одним из первых оценил драматургический талант А. П. Чехова и стал апологетом его творчества. «Мне стало казаться, – вспоминал К. Арсеньев, слушавший А. И. Урусова – что я сам видел «Чайку» и пережил возбуждаемые ею впечатления. Это был настоящий триумф живого слова, покоряющего своим одушевлением и силой» [Арсеньев 1907: 239].

С даром «природного и культивированного профессией красноречия» [Андреева 1907: 413] соединялась редкая общительность А. И. Урусова – его миссионерская потребность делиться знаниями, впечатлениями, открытиями, наблюдениями: «он всегда чем-нибудь увлекался, с кем-нибудь носился» [Щепкина-Куперник 1907: 164]. «Голова Урусова, – не без иронии замечал один из его знакомцев, – со свещем: в ней не может ничего остаться из того, что он когда-нибудь прочел, в тот же вечер он должен это передать кому-бы то ни было» [Пушкин 1907: 98]. Эти два качества формировали эффективную коммуникабельность А. И. Урусова, что и составляло, скажем так, техническую основу его миссионерской роли в культуре.

Специфически содержательную ее сторону составлял эстетизм и определенные им культурные приоритеты. «Он был человек, – как заключила Т. Л. Щепкина-Куперник, – необычайно умевший интересоваться жизнью во всех ее проявлениях <...> Но все у него проходило сквозь призму эстетического мировоззрения» [Щепкина-Куперник 2005: 52]. Сестра Урусова Е. И. фон Капгер еще усиливает этот акцент, говоря, что брату было свойственно «сладоострастное наслаждение красотой» во всех проявлениях жизни [Капгер 1907: 130], – чувственное, гутирующее отношение к жизни, и к слову. Слово он буквально смаковал. Особенно характерный пример гутирующего отношения А. И. Урусова к слову привел С. А. Андреевский. Речь шла о стихотворении мемуариста «Май». «Урусов, – вспоминал автор, – находил необыкновенную прелесть в строке «Плодотворение, истома, поцелуй...». Он видел в этих словах особенную музыку, какую-то пленительную для него волну звуков, образуемую одним только сочетанием этих трех слов подряд, сообразно их длине и распределению гласных. Он многим повторял этот стих с расстановкою: «Плодотворение... истома... поцелуй...» [Андреевский 2005: 236]. Примеров подобного переживания слова много в его письмах к К. Д. Бальмонту.

Говоря об эстетизме А. И. Урусова, мы имеем в виду не только свойственное ему личное гедонистическое восприятие искусства и жизни, но и культурно-историческое определение типа его личности и миссии. В литературном поле России 1890-х гг. А. И. Урусов стал воплощением и носителем эстетизма как художественно-философского общеевропейского движения, в том варианте, в котором его проповедовал У. Пейтер. Речь идет, конечно, не о прямом влиянии, а о естественной типологической близости. Писательница и хозяйка известного московского литературного салона Рашель Мироновна Хин, хорошо знавшая А. И. Урусова, назвала его эпикурейцем. Конечно, она не думала при этом об У. Пейтере, но невольно отослала к его философии жизни, требовавшей *«жадного, сосредоточенного, страстного проживания опыта»* [Pater 1910: 148]. А. И. Урусова всей своей жизнью осуществил тип нового эпикурейца, о котором писал британский писатель и искусствовед. Как писала Маргарита Волошинова-Сабашникова, «он умел придать стиль своей жизни, которой <...> наслаждался во всех отношениях» [Волошинова-Сабашникова 1993: 60]. А. И. Урусову было в высшей степени свойственно то интеллектуально эстетическое и чувственное, но этически нормированное, гутирование мгновений жизни, переживание их полноты, тот культ искусства, о котором писал Уолтер Пейтер, утверждая, что «конечная цель не есть плод опыта, но самый опыт», что единственная мера «успеха в жизни» – «всегда сохранять в себе трепет экстаза» [Патер 2006: 276]. Организующим центром этого стиля жизни было искусство – «наш единственный шанс, – как проповедовал Пейтер, – расширить отпущенный нам промежуток времени, пережить в нем как можно больше биений пульса», «ибо искусство приходит к нам с <...> намерением наполнить совершенством мгновения нашей жизни и просто ради самих этих мгновений» [Патер 2006: 278]. Можно ли или нельзя говорить о влиянии Уолтера Патера, но типологически А. И. Урусов принадлежал к движению эстетизма в формировании, которого своим романом «Мариус эпикуреец» У. Патер сыграл весомую роль – жить в каждом моменте максимально полно.

Развивая понимание культурно-исторического типа, явленного в князе А. И. Урусове, необходимо акцентировать еще один его аспект – связь с современностью. 1843 года рождения поколенчески А. И. Урусов был человеком 1860-х гг. На годы отмены крепостного права и великих реформ пришлась его юность, профессиональное становление как адвоката и пик всероссийской славы. А. И. Урусов был двадцатилетием старше «старших» символистов. Но парадокс отношений этого человека со временем состоял в том, что он не застрял в своем поколении. «Он слишком живо, – писала А. А. Андреева, – чувствовал настоящее, чтобы отдаваться прошлому, слишком ценил все новое, живое, что получал извне, чтобы надолго уходить в себя и в свои воспоминания» [Андреева 1907: 410]. В этой связи характерна реакция Урусова на «гнусную» – именно так! – статью В. С. Соловьева «Судьба Пушкина» (1897), где философ подверг жесткой критике интерпретацию личности и творчества Пушкина в книге Д. С. Мережковского «Вечные спутники» (1896). «Вот пункт, – негодовал Урусов, – на котором обнаруживается весь радикальный, непримиримейший разрыв между людьми 60-х годов и 90-х». Всей душой Урусов с модернистами, людьми

1890-х: «Я написал негодующее письмо Мережковскому, которому сочувствую» [Урусов 1907: 379]. С тем же воодушевлением А. И. Урусов поддержал поход А. Волынского против традиционной литературной критики на страницах «Северного вестника»: «Я читал Волынского не без удовольствия, потому что разделяю (или вернее сказать сам давно говорил), что русская критика с Белинским во главе – есть слабейшая отрасль русской литературы, что престиж ее основан на мистификации одних невежд другими таковыми же. Вообще поклонение Белинскому, Добролюбову есть характерный признак убожества нашего литературного образования и педагогического шарлатанства. Волынский дерзнул прикоснуться к кумирам. Это его слава» [Урусов 1907: 363]. Иными словами, эстетически и идейно А. И. Урусов свою современность нашел в 1890-х. С. В. Сапожков определил его культурно-исторический тип как человека предмодернизма, то есть человека 1890-х гг.

Расширяя это определение, попробуем увидеть А. И. Урусова сквозь призму понятия современности в той ее трактовке, которую предложил Шарль Бодлер в известном эссе. А. И. Урусов был человеком урбанистического склада. Как «я люблю большие города, – писал он Т. Л. Щепкиной-Куперник из Лондона, – в них кипит жизнь, как в котле. Люблю я толпу, вереницы кэбов, резкое сияние электрических фонарей; шум и говор ресторанов, взрывы смеха в накаленной температуре театра. Ото всех этих жизней, охваченных лихорадочною борьбою за существование, идут какие-то нервные токи <...> Вся атмосфера, с легким запахом газа и асфальта, каменного угля и мокрой листвы, вся проникнутая звоном, грохотом и шумом – все это жизнь города <...> сложная и захватывающая» [Урусов 1907: 171]. Такое переживание большого города почти буквально отсылает нас к бодлеровскому эссе, к «Человеку толпы» Эдгара По, другого кумира А. И. Урусова, и по спектру ощущений и образности предвосхищает урбанистическую поэзию символистов.

Как бодлеровский «художник современности» Урусов, жадно впитывая поток впечатлений, преследовал, используя слова Бодлера, цель «более значительную, чем быстротечное удовольствие минутного впечатления». В текущем он видел то, что французский поэт назвал «духом современности», то есть «стремился выделить в изменчивом лике повседневности скрытую в нем поэзию, старался извлечь из преходящего элементы вечного» [Бодлер 1986: 291,292].

Но восприимчивость А. И. Урусова к духу современности все же имела пределы. Свою границу она нашла в эволюции его любимого русского поэта. К. Д. Бальмонта А. И. Урусов считал не только лучшим поэтом современности, но видел в нем того из «рыцарей духа, трудом которых создается высшая культура страны». Но поэт менялся непредсказуемо. Всецело принимая «серебристо-туманный колорит» [Урусов 1907: 57] стихов К. Д. Бальмонта первых трех книг с их импрессионистической поэтикой, А. И. Урусов не принял радикальный поворот поэта к новой эстетике в конце 1890-х гг. Книга «Горящие здания» Урусова неприятно шокировала. «*Mania grandiosa*, кровожадные гримасы <...> Его «*faculte-maitresse*» искусство оттенков заменило какое-то гоготание» [Урусов 1907: 384].

Заключение

Эти строки из письма А. А. Андреевой были написаны в июне 1900 года. В июле А. И. Урусов умер. Но его уход – о чем единодушно вспоминали близкие ему люди – был ознаменован торжеством его эпикурейской философии жизни. «Победа над телесной немощью, – писала Р. М. Хин, – удел редких избранных. Таким оказался эпикуреец Урусов. Он жил как человек, которому ничто человеческое не было чуждо, и умирал как мудрец. В этой последней мучительной борьбе он обратился за помощью к верной, испытанной подруге всей своей жизни – к книге. Прикованный к постели, глухой, лишенный живого обмена мыслей, этот неизменно изящный *lettre* находил забвение жестокого недуга в волнениях невидимых, но бессмертных созданий, радости и слезы которых в утешение и поучение миру запечатлели поэты. Любовь к искусству помогла Урусову сохранить до конца интерес к «зрелищу жизни»» [Хин 1907: 273].

Список литературы

1. Андреева А. А. Князь А. И. Урусов (к характеристике литератора и человека) // Урусов А. И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И. Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С. 405–487.
2. Андреевский С. А. Книга о смерти. М. : Наука, 2005. 670 с. ISBN: 5-02-010217-2 EDN: QOZVKX
3. Арсеньев К. Воспоминания о князе Александре Ивановиче Урусове // Урусов А. И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И. Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С. 236–239.
4. Бальмонт К. Д. А. И. Урусов (Страница любви и памяти) // Горные вершины. М. : Книгоиздательство «Гриф», 1904. С. 102–107.
5. Бодлер Ш. Поэт современной жизни // Бодлер Шарль. Об искусстве. М. : Искусство, 1986. С. 283–315.
6. Бурдые П. Поле литературы // Бурдые П. Социальное пространство. Поля и практики. СПб. : Алетей, 2007. С. 365–472.
7. Волошин М. Стихотворения и поэмы. СПб. : Наука, 1995. 739 с. ISBN: 5-265-02809-9 EDN: YSLTYV
8. Волошин М. Князь А. И. Урусов // Лики творчества. Л. : Наука, 1988. С. 504–508.
9. Волошинова-Сабашникова М. В. Зеленая змея. СПб. : Андреев и сыновья, 1993. 342 с.
10. Гольдовский О. Князь А. И. Урусов как патрон // Урусов А. И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И. Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С. 243–261.
11. Зусман В., Сапожков С. Князь А. И. Урусов о Бодлере: по материалам французской символистской периодики 1890-х гг. // По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения. М. : НЛЮ, 2017. С. 346–362.
12. Капгер Е. И. Мой брат // Урусов А. И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И. Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С. 128–130.

13. Кирпичников А. И. Князь А. И. Урусов // Урусов А.И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И.Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С.117–127.
14. Куприяновский П. В. Константин Бальмонт и князь А. И. Урусов // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. № 1. Т. 60. С. 57–61.
15. Матвеева Т. В. Становление и развитие русского судебного красноречия (вторая половина XIX – начало XX вв.) : автореф. дис.... канд. ист. наук. Иваново, 2004. 22 с.
16. Патер У. Ренессанс. Очерки искусства и поэзии. М. : Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. 352 с.
17. Пушкин Е. А. Воспоминания о князе А. И. Урусове // Урусов А.И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И.Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С.89–116.
18. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М. : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. Кн.1.960 с.
19. Сапожков, С. В. Князь Александр Иванович Урусов – человек эпохи предмодернизма // Вопросы литературы. 2008 № 5. С. 268–314. EDN: JULEUZ
20. Степанова А. В. А. И. Урусов – юрист и судебный оратор : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. 23 с. EDN: NIESCJ
21. Урусов А. И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И. Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3.
22. Щепкина-Куперник Т. Л. Дни моей жизни. М. : Захаров, 2005. 528 с.
23. Хин Р. М. Памяти князя А. И. Урусова // Урусов А. И. Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М. : Типография И. Н. Холчев и К, 1907. Тт. 2,3. С. 262–275.
24. Pater, W. Marius the Epicurean: His Sensations and Ideas. Vol. I. London : Macmillan and Co., 1910. 243 p.
25. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Harvard University Press; Cambridge, Massachusetts. 1984. 682 p.

References

1. Andreeva A. A. Knyaz' A. I. Urusov (k harakteristike literatora i cheloveka) [Prince A. I. Urusov (on the characterization of the writer and the person)]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I. N. Holchev i K, 1907, vol. 2,3, pp. 405-487. (In Russ.).
2. Andreevskij S. A. Kniga o smerti [A Book About Death]. Moscow, Nauka, 2005, 670 p. ISBN: 5-02-010217-2 EDN: QOZVKX (In Russ.).
3. Arsen'ev K. Vospominaniya o knyaze Aleksandre Ivanoviche Urusove [Memories of Prince Alexander Ivanovich Urusov]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I. N. Holchev i K, 1907, vol. 2,3, pp. 236-239. (In Russ.).

4. Bal'mont K. D. A. I. Urusov (Stranica lyubvi i pamyati) [A. I. Urusov (Page of Love and Memory)]. *Gornye vershiny* [Mountain peaks]. Moscow, Knigoizdatel'stvo «Grif», 1904, pp.102-107. (In Russ.).
5. Bodler Sh. Poeht sovremennoj zhizni [Poet of modern life]. *Bodler Sharl'. Ob iskusstve* [Charles Baudelaire. On Art]. Moscow, Iskusstvo, 1986, pp. 283-315. (In Russ.).
6. Burd'e P. Pole literatury [Field of Literature]. *Social'noe prostranstvo. Polya i praktiki* [Social Space. Fields and Practices]. Saint Petersburg, Aletejya, 2007, pp. 365-472. (In Russ.).
7. Voloshin M. Stihotvoreniya i poehmy [Poems and poems]. Saint Petersburg, Nauka, 1995, 739 p. ISBN: 5-265-02809-9 EDN: YSLTYV (In Russ.).
8. Voloshin M. Knyaz' A. I. Urusov [Prince A. I. Urusov]. *Liki tvorchestva* [Faces of Creativity]. Leningrad, Nauka, 1988, pp.504-508. (In Russ.).
9. Voloshinova-Sabashnikova M. V. Zelenaya zmeya [Green snake]. Saint Petersburg, Andreev i synov'ya, 1993, 342 c. (In Russ.).
10. Gol'dovskij O. Knyaz' A. I. Urusov kak patron [Prince A. I. Urusov as a patron]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I. N. Holchev i Ā, 1907, vol. 2, 3, pp.243-261. (In Russ.).
11. Zusman V., Sapozhkov S. Knyaz' A. I. Urusov o Bodlere: po materialam francuzskoj simvolistskoj periodiki 1890-h gg. [Prince A. I. Urusov on Baudelaire: based on materials from the French symbolist periodicals of the 1890s.]. *Blesk i nishcheta nacional'nogo geniya* [The Splendor and Misery of National Genius]. Moscow, NLO, 2017, pp. 346-362. (In Russ.).
12. Kapger E. I. Moj brat [My brother]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I. N. Holchev i Ā, 1907, vol. 2, 3, pp. 128-130. (In Russ.).
13. Kirpichnikov A. I. Knyaz' A. I. Urusov [Prince A. I. Urusov]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I.N. Holchev i Ā, 1907, vol. 2, 3, pp.117-127. (In Russ.).
14. Kupriyanovskij P. V. Konstantin Bal'mont i knyaz' A. I. Urusov [Konstantin Balmont and Prince A. I. Urusov]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Izvestia RAS. Literature and Language Series]. 2001, no. 1, vol. 60, pp. 57-61. (In Russ.).
15. Matveeva T. V. Stanovlenie i razvitie russkogo sudebnogo krasnorechiya (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.) [Formation and development of Russian judicial eloquence (second half of the 19th - early 20th centuries)]. PhD dissertation abstract. Ivanovo, 2004, 22 p. (In Russ.).
16. Pater U. Renessans. Ocherki iskusstva i poehzii [Renaissance: Essays on Art and Poetry]. Moscow, Izdatel'skij dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2006, 352 p. (In Russ.).
17. Pushkin E. A. Vospominaniya o knyaze A. I. Urusove [Memories of Prince A. I. Urusov]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I.N. Holchev i Ā, 1907, vol. 2,3, pp. 89-116. (In Russ.).

18. Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e - nachalo 1920-h godov) [Russian Literature at the Turn of the Century (1890s – Early 1920s)]. Moscow, IMLI RAN, «Nasledie», 2000, part1, 960 p. (In Russ.).
19. Sapozhkov, S. V. Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov - chelovek ehpoi predmodernizma [Prince Alexander Ivanovich Urusov - a man of the pre-modern era]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 2008, no. 5, pp. 268-314. EDN: JULEUZ (In Russ.).
20. Stepanova A. V. A. I. Urusov - yurist i sudebnyj orator [Urusov is a lawyer and court orator.]. PhD dissertation abstract. Saratov, 2005, 23 p. EDN: NIESCJ (In Russ.).
21. Urusov A. I. Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I. N. Holchev i K., 1907, vol. 2, 3. (In Russ.).
22. Shchepkina-Kupernik T. L. Dni moej zhizni [Days of My Life]. Moscow, Zaharov, 2005, 528 p. (In Russ.).
23. Hin R. M. Pamyati knyazya A. I. Urusova [In memory of Prince A. I. Urusov]. *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Urusov. Stat'i ego o teatre, o literature i ob iskusstve. Pis'ma ego. Vospominaniya o nem* [Prince Alexander Ivanovich Urusov. His articles on theater, literature, and art. His letters. Memories of him.]. Moscow, Tipografiya I. N. Holchev i K., 1907, vol. 2, 3, pp. 262-275. (In Russ.).
24. Pater, W. Marius the Epicurean: His Sensations and Ideas. Vol. I. London, Macmillan and Co., 1910, 243 p.
25. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Harvard University Press; Cambridge, Massachusetts, 1984, 682 p.

Информация об авторе

В. В. Абашев – доктор филологических наук, профессор,
кафедра журналистики и медиакоммуникаций,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

V. V. Abashev – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Journalism and Media
Communications, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 15.03.2026 принята к публикации 10.04.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 10.04.2026.